

Воскресенье, 29 августа 1904 г.

Условия подписки: съ доставкой и пересылкой, городскимъ и изгородскимъ подписчикамъ:

12 м.—9 р., 11 м.—8 р. 50 к., 10 м.—8 р., 9 м.—7 р. 25 к., 8 м.—6 р. 50 к., 7 м.—5 р. 75 к., 6 м.—5 р., 5 м.—4 р. 25 к., 4 м.—3 р. 50 к., 3 м.—2 р. 75 к., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р.

За пересылку загранич. издм. добавоч. 60 к. ежемесячно.

Подписка принимается съ самаго 1-го числа.

За перемѣну адреса взимается 25 к.

За объявленія: въ строку, занимаемую петитомъ на 1-й страницѣ, 20 к., на 4-й страницѣ—10 к.

При многократн. печатаніи—скидка по соглашенію.

За разсыл. приложеній при газетѣ—8 р. отъ каждой тысячи.

Газетная контора находится въ Ростовѣ на Дону, на Бол. Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 8 ч. вечера, въ воскресные и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. дня.

Отдѣльные номера въ Ростовѣ ид. и въ отдѣленіяхъ—5 к.

Телефонъ конторы № 240.

№ 229 Годъ четырнадцатый № 229

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Воскресенье, 29 августа 1904 г.

Редакция газеты помещ. въ Ростовѣ на Дону, на Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Редакция для лицъ общаго стар. отъ 12 до 2 ч. дня.

Статьи должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора. Принятые статьи, по усмотрѣнію редакціи, подлежатъ измѣненію и сокращенію. Статья безъ обозначенія условій считается бесплатной. Мелкіе замѣтки уничтожаются, статьи сокращаются 1 мѣсяцъ. Пересылку рукописей обратно авторамъ редакція на себя не принимаетъ. Гонораръ выдается въ конторѣ по субботамъ отъ 10 до 1 часа дня. Телефонъ редакціи № 8.

Объявленія для газ. „Приазовскій Край“ отъ лицъ, фирмъ и учрежденій, находящихся въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Вильнѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Приазовскомъ краѣ и заграничю, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома „Л. и Я. Метцель и К°“ въ Москвѣ, въ домѣ Сытewa, и въ его отдѣленіяхъ С.-Петербургѣ, на Б. Морской, № 11, и въ Варшавѣ. Краткосроч. предм. № 58 по таксѣ: поэм. текста по 12 к., а вперед. текста по 25 к., за строку петита или заглавное ея мѣсто.

Чеховский миръ.

IV. Ужасы жизни.

Английский критикъ, котораго я цитировалъ въ одной изъ предыдущихъ фельетоновъ, говоритъ, что если люди таковы, какими ихъ изображаетъ Чеховъ, то лучше разбѣжаться по лѣсамъ и превратиться въ безымянн. Правильнѣе, однако, было бы сказать, что если жизнь дѣйствительно такая, какою ее изображаетъ Чеховъ, то лучше, кажется, ужъ и не жить, чѣмъ переживать всѣ эти ужасы, изъ которыхъ слагается жизнь.

Если, однако, мы живемъ, то секретъ этого заключается въ томъ, состоятъ жизни, что она не даетъ намъ возможности осмотрѣться, оглянуться назадъ на пройденный жизненный путь, представить себѣ въ настоящемъ видѣ то, что ожидается насъ въ жизни въ будущемъ и дать всему этому надлежащую оцѣнку.

Тысячи мелочей, составляющихъ жизнь, не даютъ ни минуты времени для этой опасной работы мысли. Человѣкъ движется, какъ локомотивъ на рельсахъ и горе ему, если онъ хоть на минуту сойдетъ съ нихъ и, благодаря этому, окажется въ состоянии взглянуть со стороны на выполненный имъ путь. Для многихъ, за житейскими заботами и хлопотами никогда не наступаетъ такого рокового дня. Другіе ухитряются прожить всю жизнь безъ такого подведения ея итоговъ по легкости души. Наконецъ, есть и такія натуры, которыя намѣренно отгоняютъ отъ себя возможность такого генеральнаго смотра своей жизни. Но никто не гарантированъ отъ того, что въ одинъ прекрасный день по той или иной причинѣ въ силу или внутренней потребности духа, и и подъ влияніемъ тяжелаго жизненнаго удара, ему не придется подводить этого итога жизни и не почувствовать всего ужаса ея.

Есть, къ несчастью, и такія натуры, для которыхъ никакія жизненные мелочи, хлопоты и занятія не закрываютъ ужасовъ жизни. Они чувствуютъ, видятъ, испытываютъ эти ужасы постоянно, ежедневно, ежеминутно; они видятъ ихъ въ жизни каждаго, съ кѣмъ сталкивается ихъ судьба. Къ такимъ натурамъ именно и принадлежалъ Чеховъ. Никакая внѣшность не могла укрыть отъ него скелета, спрятаннаго подъ этою блестящею оболочкою, какъ бы она ни была блестяща. И онъ всюду и вездѣ всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ видѣлъ тѣ ужасы, изъ которыхъ слагается жизнь каждаго, кто бы онъ ни былъ. И всѣ шестнадцать томиковъ его сочиненій переполнены этими ужасами, ознакомленіе съ которыми производитъ подавляющее впечатлѣніе.

Отчаяніе переживаютъ герои Чехова, развѣ только они рѣшатся или жизнь вынудитъ ихъ бросить взглядъ на свою прошлую жизнь. Это подведеніе итоговъ имѣетъ мѣсто очень часто въ произведеніяхъ Чехова. Скажемъ больше, — рѣдкій персонажъ этихъ произведений не переживаетъ минуту такого ретроспективнаго опредѣленія цѣнности своей жизни. Такія минуты настигаютъ мужчинъ и женщинъ, стариковъ и молодыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, обиженныхъ судьбою до послѣдней степени и, казалось бы, вознесенныхъ ея высоко, высоко. И жизнь всѣхъ ихъ оказывается сплошнымъ ужасомъ.

Вотъ гробовщикъ Яковъ. Всю жизнь онъ строилъ гробы и игралъ на скрипкѣ на свадьбахъ, всю жизнь ругался на тяжелую жизнь, всю жизнь запивалъ жизненные невзгоды водкой, но собственному разу не разсмотрѣлъ этой жизни надлежащимъ образомъ, ни разу не далъ ей надлежащей оцѣнки. И вотъ у него стремительно заболѣваетъ жена. Только теперь

оказалось для него возможнымъ оглянуться пристальнѣе на себя и окружающее его, и то, что онъ увидѣлъ, ужаснуло его на смерть.

Глядя на старуху, Яковъ почему то вспомнилъ, что за всю жизнь онъ, кажется, ни разу не приласкалъ ее, не пожалѣлъ, ни разу не догадался купить ей платочекъ, или принести чего-нибудь сладенькаго, а только кричалъ на нее, бранилъ, бросалъ на нее съ кулаками; правда, онъ никогда не билъ ее, но все-таки пугалъ, и она всякій разъ члѣнилась отъ страха. («Скрипка Ротшильда», т. IX, стр. 203).

И когда жена умерла, Яковъ снова никакъ не могъ понять, какимъ образомъ можно было жить такъ, какъ онъ жилъ съ женой:

«Пятьдесятъ два года, пока они жили въ одной издѣ, тянулись долго-долго, но какъ то такъ вышло, что за все это время онъ ни разу не подумалъ о ней, не обратилъ ни вниманія, какъ будто она была кошка или собака. А съдѣ она каждый день топила печь, варила, пекла, ходила по воду, рубила дрова, спала съ нимъ на одной кровати, а когда онъ возмущался пьянымъ со свадьбы, она всякій разъ съ благоговѣніемъ вѣшала его скрипку на стѣну и укладывала его спать и все это молча, съ робкимъ, заботливымъ выраженіемъ» (стр. 206).

И подъ влияніемъ сознанія ужаса прожитой жизни Яковъ приходитъ къ поразительной мысли о преимуществѣ смерти предъ жизнью:

«Идя потомъ домой, онъ соображалъ, что отъ смерти будетъ одна только польза: не надо ни ѣсть, ни пить, ни платить податей, ни обижать людей а такъ какъ человѣкъ лежитъ въ могилѣ не одинъ годъ, а сотни лѣтъ, то, если сосчитать, польза окажется громадною. Отъ жизни человѣкъ — убытокъ, а отъ смерти польза. Это соображеніе справедливо, но все-таки обидно и горько: зачѣмъ на свѣтѣ такой странный порядокъ, что жизнь, которая дается человѣку только одинъ разъ, проходитъ безъ пользы» (стр. 209).

И такихъ «Якововъ», жизнь которыхъ представляетъ собою сплошной ужасъ, въ произведеніяхъ Чехова цѣлая галлерея. И благо имъ, пока они не успѣваютъ взглянуть на свою жизнь испытующимъ окомъ, но горе имъ, когда наступаетъ такой часъ! И Чеховъ ничего другого не можетъ

дать такимъ героямъ своихъ произведений послѣ ихъ пробужденія, какъ только смерть. Только въ ней они находятъ успокоеніе своей проснувшейся мысли, охваченной страхомъ передъ ужасами жизни.

Вотъ, казалось бы, совершенно иной персонажъ, нежели всѣ эти «Яковъ», жизнь которыхъ дѣйствительно такъ неприглядна. Вотъ молодая женщина, только недавно вышедшая замужъ, правда, безъ любви, за человѣка вдвое старше ея, но зато сдѣлавшая «партію», которой завидуютъ тысячи другихъ женщинъ и дѣвицъ: мужъ — полковникъ, къ тому же страшно богатый, любящій ее и ни въ чемъ ей не отказывающій. И самая жизнь, которую она ведетъ послѣ замужества, казалось бы, такъ подходитъ къ ея легкомысленному характеру: она ѣздитъ съ мужемъ по увеселительнымъ мѣстамъ наряжается, обзаводится любовникомъ и т. д. И вотъ, однако, какова ея жизнь и вотъ какъ она сама ощущаетъ эту жизнь:

«А ночью опять катались на тройкахъ и слушали цыганъ въ загородномъ ресторанѣ. И когда опять пробѣжали мимо монастыря. Софья Львовна вспомнила про Олю, и ей становилось жутко отъ мысли, что для дѣвушки и женщины съ круга нѣтъ другою выхода, какъ не переставая кататься на тройкахъ и лгать, или же идти въ монастырь, убивать плоть... А на другой день было свиданіе, и опять Софья Львовна ѣздила одна на извозчикѣ и вспоминала про тетю. Черезъ недѣлю Володя малюнькій бросилъ ее. И послѣ этого жизни пошла по привычному, такой же индифферентной, то кланяясь и иногда даже мучительно. Полковникъ и Володя малюнькій играли подолгу на биллардѣ и въ пикетѣ, Рита беззвучно и вяло рассказывала ан кдоты, Софья Львовна все ѣздила на извозчикѣ и просила мужа, чтобы онъ покаталъ ее на троицѣ».

Забывая почти каждый день въ монастырь, она навѣстила Олю, жаловалась ей на свои невыносимыя страданія, плакала и притомъ чувствовала, что въ колю въгдетъ съ нею входило что то нечистое, жалкое, поношенное». (Володя большой и Володя малюнькій», т. X, стр. 14).

Вотъ еще одинъ, по общему признанію, «счастливецъ» — «Учитель словесности». И самъ онъ считаетъ себя до такой степени счастливымъ, что порою ему не вѣрилось, что все, что съ нимъ происходитъ, имѣетъ мѣсто на яву. Вотъ что писалъ этотъ счастливый человѣкъ въ своемъ дневникѣ немедленно послѣ женитьбы на любимой дѣвушкѣ:

«Какъ расцвѣла, какъ поэтически сложилась моя жизнь! Два года назадъ я былъ ошомленъ студентомъ, жилъ въ дошевскихъ номерахъ на Неглинномъ, безъ денегъ, безъ родныхъ и, какъ казалось мнѣ тогда, безъ будущаго. Теперь же я учитель гимназій въ одномъ изъ лучшихъ городовъ, обзаводимъ любимъ, избалованъ. Для меня собралась эта толпа, для меня горятъ три паникадила, для меня роешь протодьяконъ, стараются пѣвать и для меня такъ молодо, изяшно и радостно это молодое существо, которое, несмотря на погоду, будетъ называться моею женою: И то счастье, которое когда то на Неглинномъ представлялось мнѣ возможнымъ только въ романахъ и повѣстяхъ, теперь я испытывалъ на самомъ дѣлѣ, казалось, брать его руками» (т. X, стр. 30).

Немного, однако, проходитъ времени, — и этотъ счастливецъ пишетъ въ томъ же дневникѣ:

«Гдѣ ж, Боже мой! Меня окружаетъ пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кушину съ мясомъ, тараканы, глупыя женщины... Нѣтъ ничего страшнѣе, оскорбительнѣе, тоскливѣе пошлости. Бѣжать отсюда, бѣжать сегодня же, иначе я сойду съ ума».

Но онъ отлично понималъ, что бѣжать некуда, такъ какъ эта ужасающая его пошлость не то въ вѣнѣ его, но и въ немъ самомъ, а отъ самого себя никуда не убѣжишь. И отъ недавняго зданія счастья не осталось ровно ничего, хотя остались и молодая любящая жена, и богатое приданое, обеспечивающее матеріальную независимость, и дѣятельность учителя, которой онъ еще такъ недавно придавалъ такое огромное значеніе. Но началась «новая, нервная, сознательная жизнь, которая не въ ладу съ покоемъ и личнымъ счастьемъ», и лучи сознанія освѣтили совѣсть въ иномъ свѣтѣ все, что еще такъ недавно казалось столь прекраснымъ, какъ сонъ.

«Онъ съ увѣренностью говорилъ себѣ, что онъ вовсе не педагогъ, а чиновникъ, такой

же бездарный и безличный, какъ чѣмъ, преподаватель греческаго языка; никогда у него не было призванія къ учительской дѣятельности, съ педагогическою незнакомъ и съ никогда не интересовался, обращаясь съ латынью не умѣлъ; значеніе того, что онъ преподавалъ, ему неизвѣстно и, быть можетъ, даже онъ училъ тому, что не нужно» (стр. 37).

Отъ такого состоянія, очевидно, никуда не убѣжишь...

Наконецъ, еще одинъ персонажъ — представитель фирмы миллионеровъ Лаптевыхъ. Вотъ человѣкъ, казалось бы, имѣющій всѣ данныя для того, чтобы похвастаться своею жизнью. Сотни тысячъ рублей годового дохода, университетское образованіе, прекраснѣйшая любимая жена, полная возможность вести такой образъ жизни и избрать такой родъ дѣятельности, какіе только самому покажутся по душѣ, — и вотъ что говоритъ брату о себѣ и своей жизни этотъ баловень судьбы:

«Известный родъ! Дѣда нашего помѣщикъ драли и каждый послѣдній чиновничикъ билъ его въ морду. Отца драли дѣда, меня и тебя драли отецъ. Что намъ съ гобозъ далъ этотъ твой именитый родъ? Какіе нервы и какую кровь мы получили въ излѣдствіе! Ты вотъ уже почти три года разсуждаешь, какъ дьячекъ, говоришь всякій вздоръ и вотъ написали, вѣдь это холерскій бродъ. А я, а я? Посмотри на меня! Ни гибкости, ни смѣлости, ни сильной воли; я боюсь за каждый свой шагъ, точно меня выпорютъ, я робѣю передъ ничтожествами, идолами, скотами, стоящими неизмѣримо ниже меня умственно и нравственно, потому что я родился отъ затравленной матери, съ дѣтства я забитъ и запуганъ... О, если бы далъ Богъ намъ кончился этотъ именитый купеческій родъ!» («Три года», т. X, стр. 147).

И, подводя, въ разговорѣ съ женою итоги своей жизни, онъ говоритъ:

«Какъ бы то ни было, приходится признаться съ мыслью о счастіи. Его нѣтъ. Это не было никогда у меня и, должно быть, его не будетъ вовсе. Впрочемъ, развѣ въ жизни я былъ счастливъ когда сидѣлъ ночью подъ твоимъ зонтикомъ. Поминишь, какъ то у сестры Чины ты зашла со-ой зонтикъ? Я тогда былъ влюбленъ въ тебя и, помню, всю ночь просидѣлъ подъ этимъ зонтикомъ и испытывалъ блаженное состояніе» (стр. 153).

Признаюсь, изъ всѣхъ произведе-

ній Чехова, ни одно не производитъ на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ эти ужасные «Три года». И всякій разъ, когда я дохожу до этого поразительнаго признанія человѣка, казалось бы, такъ избалованнаго судьбою, — въ томъ, что онъ испытывалъ только однажды во всей своей жизни счастье и что это счастье состояло въ сидѣніи въ теченіе цѣлой ночи подъ зонтикомъ пустѣйшей женщины, которая въ данный моментъ, въ силу необъяснимыхъ, таинственныхъ законовъ любви, воплощала для этого человека весь міръ, — меня охватываетъ тотъ самый страхъ жизни, страхъ ея безсмысленности, какой изображенъ такъ чудовищно-правдиво Чеховымъ въ разсказѣ «Страхъ». Ужасы жизни, изображаемые Чеховымъ, — это не какія-нибудь катастрофы, которыя могутъ постигать и дѣйствительно такъ часто постигаютъ людей. Какъ бы ни были ужасны эти катастрофы — потеря близкихъ, собственная болѣзнь, лишеніе свободы, имущественное разореніе, пораженіе сторонникова идеи, которой самъ служишь, даже потеря вѣры въ руководившій въ жизни идеалъ, — съ этими катастрофами могутъ справиться, по крайней мѣрѣ, хотя болѣе сильныя. Но ужасы обывденной жизни — это такіе тенета, отъ которыхъ рѣшительно никто не въ состояніи избавиться. Этими ужасами до такой степени полна наша жизнь, что въ концѣ концовъ мы какъ будто даже не замѣчаемъ ихъ, и только въ минуты освобожденія отъ ежедневныхъ, ежеминутныхъ заботъ, занятій и всей пустяковащины, которая составляетъ то, что называется «жизнью», или въ моменты какихъ либо потрясеній начинаемъ чувствовать наличность этихъ ужасовъ. И если человѣкъ оказывается въ состояніи ~~сидѣти~~ правильно смотрѣть на обывденную жизнь, все его существованіе становится сплошнымъ страхомъ, какъ у героя разсказа «Страхъ».

«Мнѣ страшно обывденщина, отъ которой никто изъ насъ не можетъ спрятаться. — говоритъ герой этого разсказа. Я неспособенъ различать, что въ моихъ поступкахъ правда и что ложь; я сознаю, что условія жизни и воспитаніе заключили меня въ тѣсный кругъ лжи, что вся моя жизнь есть ничто иное какъ ежедневная забота о томъ, чтобы обманывать себя и людей и не замѣчать этого, и мнѣ страшно отъ мысли, что я со самою смертію не выберусь изъ этой лжи. Сегодня я дѣлаю что-нибудь, а завтра ужъ не понимаю, зачѣмъ я это сдѣлалъ... Я вижу, что мы мало знаемъ и поэтому каждый день ошибаемся, бываемъ несправедливы, клеветаемъ, заблуждаемъ чужой вѣкъ, расходимъ всѣ свои силы на вздоръ, который намъ не нуженъ и измѣняетъ намъ жизнь, и это мнѣ страшно, потому что я не понимаю, для чего и кому все это нужно. Я не понимаю людей и боюсь ихъ. Мнѣ страшно смотрѣть на мужиковъ, я не знаю для какихъ такія вышитыя цѣды они страдаютъ и для чего они живутъ. Если жизнь есть наслажденіе, то они лишніе, ненужные люди, если же цѣль и смыслъ жизни — въ нуждѣ и непродуманности, безнадежномъ новѣжествѣ, то мнѣ непонятно, кому и для чего нужна эта инквизиція. Никого и ничего я не понимаю» (т. IX, стр. 7-8).

Куда же убѣжать отъ этихъ ужасовъ обывденной жизни? Для большинства спасеніе именно въ этой самой обывденщинѣ, которая своею сутолокою, своими мелочными, но безконечными заботами, подобіемъ дѣла оталекаетъ человѣка отъ возможности трезво взглянуть на свою жизнь и жизнь окружающихъ. Для тѣхъ же, которыхъ не могутъ всецѣло поглотить мелочи жизни, спасеніе — въ мечтаніяхъ. Они живутъ не столько настоящимъ, дѣйствительною жизнью, сколько въ мечтахъ. И такъ какъ ужасы жизни, кажется, нигдѣ такъ ни сильны, какъ у насъ, то нигдѣ и нѣтъ такого обилія мечтателей. Чеховъ вѣрно подмѣтилъ эту особенность нашей жизни и отразилъ ее въ своихъ произведеніяхъ. И рядомъ съ людьми, страдающими отъ ужасовъ жизни, его произведенія переполнены мечтателями.

Я. Абрамовъ.